

**А.И. Менделеева, С.В. Бахрушин, М.А.
Цявловский**

Менделеев в жизни

**Записи прошлого,
воспоминания и письма**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А11

А.И. Менделеева
А11 Менделеев в жизни: Записи прошлого, воспоминания и письма / А.И. Менделеева, С.В. Бахрушин, М.А. Цявловский – М.: Книга по Требованию, 2020. – 194 с.

ISBN 978-5-458-63670-4

Воспоминания вдовы Дмитрия Ивановича Менделеева - Анны Ивановны Менделеевой.

ISBN 978-5-458-63670-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАПИСИ ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ И ПИСЬМА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

С. В. БАХРУШИНА и М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

Отпечатано
в 7-й типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграф.

Москва, Арбат, Филипповск., 13.

Тираж 3.001 экз.

Главлит № 99.670.

Автор печатаемых воспоминаний — вдова Дмитрия Ивановича Менделеева.

Отец ее, донской казак Иван Евстафьевич Попов (1827 — 1883), по окончании средней школы в Воронеже, намеревался поступить на медицинский факультет Московского университета, но мечтам его не суждено было сбыться, и он принужден был поступить на военную службу, которую и провел в течение девяти лет на Кавказе, где в 1855 г. женился на Анне Логгиновне рожд. Ефремовой (1830—1898), дочери русского инженера и шведки с Аландских островов, и где у них в 1858 г. родилась дочь Мария, а 27 февраля 1860 г. — Анна.

Выйдя в отставку, Иван Евстафьевич поселился с женой и дочерьми в Урюпинской станице Хоперского округа.

Скромная, безмятежная жизнь в родной семье, летом поездки по степи в другие станицы к родственникам — таковы воспоминания раннего детства Анны Ивановны. Отец, типичный провинциальный культуртрегер, сам только мечтавший о высшем образовании, решил определить дочерей в столичное учебное заведение, для чего вся семья весной 1868 г. переезжает в Москву. Осенью этого года Анна Ивановна вместе с сестрой поступила в 7-й (т.е. самый младший) класс первой женской гимназии, где и пробыла до 1873 г., когда перешла во второй класс третьей гимназии, начальницей которой была родственница Л. Толстого ж. Елена Сергеевна Горчакова, оставившая по себе у Анны Ивановны самые лучшие воспоминания. Отец, устроив семью в Москве, продолжал жить в станице, лишь наезжая к своим на короткое время. Последний 1874—1875 учебный год Анна Ивановна с сестрой прожили и без матери, уехавшей к мужу, в пансионе Бауер.

К этому времени относятся первые занятия Анны Ивановны рисованием. Поступив в воскресные классы рисования при Строгановском училище, она взяла здесь 8—10 уроков, и, хотя немного получила от них, любовь к этому искусству была заложена на всю жизнь.

Лето 1875 года, как и все предшествующие, было проведено в родной станице, а осенью Иван Евстафьевич повез младшую дочь в Петербург. Решено было, что Анна Ивановна, выдававшая музыкальные способности, поступит в консерваторию. Так и случилось. Выдержав приемный экзамен, Анна Ивановна была принята в консерваторию по классу фортепьяно. Поселилась она вместе с Александрой Владимировной Синегуб, с которой познакомилась на консерваторском экзамене и с которой впоследствии была очень дружна, у генерала в отставке инженера А. К. Эрдберга, бывшего главой петербургских последователей Ирвинга, и даже присутствовала на их богослужениях. В консерватории Анна Ивановна пробыла недолго и после Рождества оставила ее. Успешнее шли занятия рисованием. Анна Ивановна поступила в школу рисования на Васильевском острове и, кроме этого, ходила рисовать в скульптурный музей Академии Художеств, где познакомилась с Надеждой Яковлевной Капустиной, а затем и с ее матерью Екатериной Ивановной, рожденной Менделеевой, сестрой знаменитого уже в то время ученого. Знакомству этому суждено было сыграть решающую роль в жизни Анны Ивановны.

Ранней весной 1876 г. по настоянию Н. Я. Капустиной Анна Ивановна держит экзамен в Академию Художеств, по сдаче которого уезжает на лето к родителям. С семьей Капустиных Анна Ивановна к этому времени уже вполне сблизилась, и было решено, что осенью, по возвращении в Петербург, она поселится у них.

Прогостив две недели в Новочеркасске, у сестры, вышедшей замуж за Семена Васильевича Сафонова, Анна Ивановна остальную часть лета прожила у родителей. Здесь получила она от врача, проживавшего в Новочеркасске, Владимира Платоновича Рубашкина письменное предложение вступить в брак. На это совершенно для нее неожиданное предложение Анна Ивановна ответила полуотказом, смысл которого был тот, что, пока не кончит Академии Художеств, она не может

выйти замуж. На это последовало весьма смутившее девушку согласие ждть этого окончания.

С приезда осенью 1876 года в Петербург к Капустиным и начинается печатаемая часть воспоминаний А. И Менделеевой.

Рассказ о том, как она стала спутницей жизни великого ученого, как прожила с ним более двадцати лет, и составляет содержание этой книги. В центре ее полная своеобразия величественная фигура гениального натуралиста, гордости и славы русской науки, Дмитрия Ивановича Менделеева, духовный облик которого живо передан Анной Ивановной. Ей же принадлежат и прилагаемые в тексте рисунки.

Глава XII, посвященная воспоминаниям об А. А. Блоке, впервые была напечатана в журнале „Всемирная иллюстрация“ за 1923 г. № 11.

Ближайшее участие в составлении примечаний принимала Т. Г. Тепина.

М. Цявловский.

Москва. 12 декабря 1927 г.

А. И. МЕНДЕЛЕЕВА

МЕНДЕЛЕЕВ В ЖИЗНИ

В семье Капустиных

В Петербурге Екатерина Ивановна ожидала меня. В августе 1876 г. я приехала к ней на ее новую квартиру, на улицу Глинки, близ Поцелуева Моста. Вся семья встретила меня дружески; очень трогательно было, что комнатка моя была совсем готова, все стояло на месте. Екатерина Ивановна приветливо выразила удовольствие, что я приехала, радовалась за меня и за Надежду Яковлевну, которая, как она говорила, ждала меня с нетерпением.

Интеллигентность семьи Капустиных, уклад их жизни, мне очень нравились. Скромность в обстановке, в образе жизни и в то же время солидность. Все скромно, но завтра будет то же, что сегодня, и никаких неожиданных провалов ждать нельзя. Во главе семьи была Екатерина Ивановна. Кроме тех детей, которые жили с нею, у нее в Петербурге было еще два сына. Один женатый, только что окончивший курс в Медицинской Академии, Михаил Яковлевич Капустин, впоследствии член Государственной Думы, жена его Анастасия Михайловна, тоже женщина-врач, и маленькая дочка Соня; жили они самостоятельно. Другой, Петр Яковлевич, студент Института Путей Сообщения, жил у кого-то репетитором. Был у Екатерины Ивановны еще пасынок, Семен Яковлевич Капустин, совсем молодой человек, и падчерица, Екатерина Яковлевна Гутковская, вдова, с немолодыми уже детьми: два сына находились на службе и дочь, Екатерина Карловна, занималась в химической лаборатории в Университете. Семен Яковлевич жил в семье Федора Александровича Юрковского, по сцене Федорова;

в то время он был режиссером Александринского театра, а жена его, Лелева, водевильной артисткой. У них было пятеро детей; старшую дочь звали Маней, впоследствии жена Горького, Мария Феодоровна, по сцене Андреева. Семен Яковлевич был как бы членом их семьи и принимал участие в воспитании детей и во всех семейных делах.

Все дети Екатерины Ивановны, родные и пасынки, относились к ней с глубоким почтением и навещали ее. Не бывал у нее только брат, Дмитрий Иванович Менделеев, который был слишком занят. Екатерина Ивановна ездила к нему сама. А Надежда Яковлевна ходила довольно часто и получала от него субсидии, на кисти, краски и прочее.

О нем мало говорили, из глубокого к нему уважения, не желая упоминать его имя „всуе“. Меня познакомили со всеми родственниками, кроме Дмитрия Ивановича; вместе с Надеждой Яковлевной я стала бывать у них. Екатерина Яковлевна Гутковская занимала большую квартиру на Шпалерной и по воскресеньям принимала родственников и знакомых.

Юрковские жили на Фонтанке, близ Пантелеймоновской. Они по-родственному относились ко всей семье Капустинных и всегда приглашали на свои семейные праздники и на елку. Я тоже бывала приглашена и от души веселилась с их детьми, особенно со старшей, Маней, которая чувствовала ко мне особенную симпатию, о чем говорила, когда встретилась со мной много позднее. На всех этих вечерах меня заставляли танцевать русскую и другие танцы. Помню, как я была довольна, когда опытный артист Федор Александрович Федоров, видевший так много всяких исполнительниц русской, сказал не мне лично, а за глаза, что не видал лучшего исполнения русской. Недаром же я мечтала о балете когда-то! Русскую я исполняла по-своему. Усвоив рас и движения, общепринятые для русской, я с помощью их изображала целую поэму. Вот Россия задумчиво-вопросительно идет к своей судьбе, трагедия—татарское иго. Торжество. Успокоение. Конечно, я никому не говорила содержание моего танца, да и меняла его по вдохновению, но успех был всегда большой.

Надежда Яковлевна брала меня с собой, куда только можно. Взяла она меня и на акт в Университет. Мы с ней, как все

студенты и курсистки, пошли на хоры. Я в первый раз видела такое торжественное зрелище. Надежда Яковлевна и ее брат студент, знавшие всех и все в Университете, снисходительно объясняли мне и показывали профессоров: ректор Андрей Николаевич Бекетов с огромной шапкой седых волос, Меншуткин, Бутлеров, Иностранцев, Докучаев, Овсянников, Советов, Вагнер — Кот-Мурлыка, сказки которого я читала. Они занимали места или стояли в ожидании начала. Публика уже наполнила зал. Вдруг какой-то шопот и легкий гул. Лица оживились. Что такое, кто идет? „Менделеев, Менделеев“, громко шептали на хорах. В проходе между стульями шел совершенно особенного вида человек. Довольно высокого роста, несколько приподнятые плечи, большая развевающаяся грива пушистых русых волос, блестящие синие глаза, прямой нос, красиво очерченные губы, серьезное выразительное лицо, быстрые движения. Он шел скоро, всей фигурой вперед, как бы рассекая волны, волосы от быстрого движения колыхались. Вид внушительный и величественный, а между тем все улыбались. Такой улыбкой встречают очень популярных людей; такой человек может себе позволить, что хочет — сказать в лицо горькую правду, даже ругнуть — ему будет все прощено. Вот такой улыбкой провожали Дмитрия Ивановича, когда он занимал свое место. „Неужели это ваш дядя?“ спросила я Капустину. „Да“. — Я все смотрела вниз на него и удивлялась как это у него могут быть племянники и все, как у всех. Как-то все обыденное не вяжется с видом этого необыкновенного человека. А он внизу там что-то живо говорил, делая выразительные жесты. Предмет всеобщего внимания, сам не обращал никакого внимания на окружающее. Он так отличался от остальных, как если бы в птичий двор домашних птиц влетел орел, или если бы в домашнее стадо вбежал дикий олень. Воспоминание об этом университетском акте потом слилось в одну общую картину с фигурой Д. И. Менделеева в центре.

Надежда Яковлевна умела проникать везде, где было интересно, и доставать недорогие билеты на самые редкие спектакли. Местами она не стеснялась. В семье Капустиных отсутствовали буржуазные предрассудки. Помню, я слушала в опере

Нильсон, стоя на коленях. Надежда Яковлевна могла достать на этот спектакль только стоячие места, в проходе, и так как я стояла у самой балюстрады в первом ряду, то, чтобы не мешать другим, стоявшим сзади, стала на колени и наслаждалась наверно не меньше тех, которые сидели в бель-этаже. На исключительно интересный вечер в пользу Литературного Фонда мы прошли, не имея билетов — они были уже распроданы. В программе стояли имена Тургенева, Достоевского, Щедрина и других. Мы решили послушать их во что бы то ни стало. Пришли пораньше и в вестибюле стали изобретать способ попасть в зал. Показывается устроитель вечера Д. В. Григорович. „Дмитрий Васильевич“, громко взывает Надежда Яковлевна, а я умоляюще смотрю на него. „Дмитрий Васильевич, позвольте нам послушать Тургенева и Достоевского, у нас есть по рублю“, при этом с тоской протягиваем ему наши рубли. Григорович улыбнулся и прямо провел нас в артистическую, где уже были Тургенев и Щедрин. Достоевского ждали. Нам позволено было стоять во время исполнения около эстрады, так что мы близко видели и слышали их и были счастливы. Достоевский читал из „Братьев Карамазовых“ сцену Екатерины с Дмитрием Карамазовым, а Тургенев „Касьяна с Красивой Мечи“.

Стала я бывать с Надеждой Яковлевной и у Адриана Викторовича Прахова, который читал в Академии Художеств на втором курсе историю искусств. Как первокурсница я еще не могла его слушать. Но я всегда должна была поджидать Надежду Яковлевну, чтобы идти домой вместе после лекции Прахова, вечером, в библиотеке. Лекция читалась там, чтобы пользоваться фотографиями и художественными репродукциями. Мне позволено было ожидать ее тут же в библиотеке. У Прахова бывали жур-фиксы, на которые он приглашал своих учеников, помогавших ему в работах для журнала „Пчела“, редактором которого он был. Надежда Яковлевна работала для него и бывала на этих вечерах. Заметив, что я всегда вместе с ней, он позвал и меня. Там мы встречали Шишкина, Максимова, Поленова, братьев Васнецовых, Мамонтова, музыканта Иванова и других. Мы и не сознавали тогда, насколько это общество влияло на наше художественное развитие.